

«ВМЕСТО ПЕЧКИ...»

КОММЕНТАРИЙ К АВТОГРАФУ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

ЕЛЕНА ЛЕВИНА

Родилась и живет в Москве. Мать — художница, отец — литератор. По профессии геолог. Работала в основном в пустынях Средней Азии

и на севере Русской

равнины. Автор воспоминаний о военном детстве, о художниках и литераторах, опубликованных в разных сборниках и журналах.

В книжном шкафу я нашла скромную книжку с названием «Кеминэ». Это оказались стихи и маленькие рассказы знаменитого туркменского классика в переводах Арсения Тарковского. Особенно меня обрадовало, что она подписана моей маме:

*Еве Павловне —
немного Туркмении,
где жарко,
вместо печки —
20.X 1940
в Москве, где холодно —
Переводчик*

Кеминэ — легендарный народный любимец, поэт-лирик, поэт-сатирик, насмешник, живший в начале XIX века. Его стихи и рассказы передавались из уст в уста, от поколения к поколению. Это фольклор. Его впервые записали в тридцатые годы XX века. Благодаря Арсению Тарковскому все, что известно из его творчества, переведено на русский язык и вошло в эту книжку. Кеминэ — как узбекский Ходжа Насреддин. Из лирики Кеминэ:

Из-за тебя
Я влюблен, сдержать не могу
Этой песни моей —
В тоске.
Я заснуть опять
Не могу.
Роза! Твой соловей —
В тоске.

Живописцы нашей земли
Дорогой кармин извели —
Воссоздать тебя не могли.
Ты мне солнца светлей —
В тоске.

...

Вспомнилось довоенное детство: летние каникулы, пионерлагерь «Литфонда» во Внуково (1939–1941). Там я подружилась с Лялей Трениной. В родительский день ко мне приехала мама, а к Ляле ее мама – Антонина Александровна Бохонова и отчим Арсений Тарковский. Они познакомились и после лета приходили к нам в гости, смотрели мамину живопись. Как-то мы поехали к ним в гости. Они жили то ли на Павелецкой, то ли на Серпуховской в старом доме на первом этаже. В комнате со светлыми стенами висели картины. Над тахтой рисунки А. Бенуа.

Эти годы для мамы были трудные. Дело в том, что в 1938 году после громкого процесса расстреляли ее старшего брата – Аркадия Павловича Розенгольца, другой брат-микробиолог находился в лагере. Трудящиеся заводов и фабрик требовали: «Врагов народа расстрелять, как бешеных собак». Писатели подписывали коллективные письма и сочиняли разоблачительные статьи. Мама осталась без работы, и некоторые люди отвернулись. Словом, пустота. Поэтому дружба с Тарковскими ею тогда была воспринята как проявление высокой порядочности. Я помню, как мама спросила у папы, наверное, это был 1939 год, знает ли он Тарковского. Сказала: «Он очень талантливый поэт и переводчик, любит живопись и даже не боится моей фамилии...»

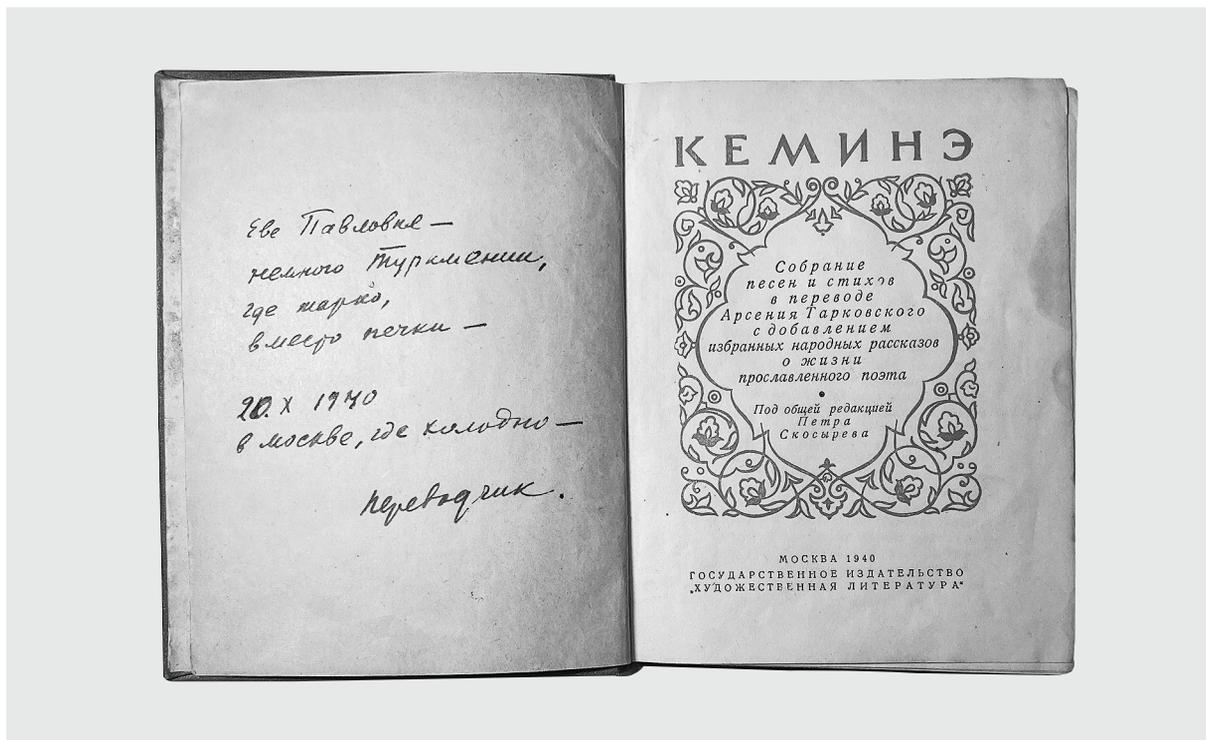
Я запомнила внешность Арсения Тарковского с детства, так как он был особенный, ни на кого не похожий: худощавый, высокий, с широким разворотом плеч, темно-русый, лицо с угловатыми скулами. И весь он был какой-то геометрический, как с картин кубистов, в то же время пластичный. В облике ощущалась выдержанность, аристократичность, одухотворенность и современность. Взгляд вдумчивый. Глаза темные, под округлыми широкими бровями. В нем немного сквозило что-то азиатское. Всегда элегантен. Подходил под образ поэта, как никто. Я его всегда видела рядом с женой Тоней. Она была хрупкая шатенка, с немного уставшим миловидным лицом, со вкусом, изящно и модно одетая, без косметики, а еще добрая. По профессии фотохудожник.

Позднее Тарковский познакомил маму с поэтом-переводчиком Владимиром Бугаевским и его женой Лидой, которые жили поблизости. Эти дружеские отношения продолжились в Чистополе и после войны.

В конце 1941 года Арсений Александрович ушел на фронт в качестве военного корреспондента, а в начале 1944 года был тяжело ранен в ногу. Из прифронтового госпиталя в Москву его сумела вывезти Тоня, так как ему грозила гангрена. Она его положила в институт хирургии. Операцию сделал сам профессор А.В. Вишневецкий и спас его. Но, к общему сожалению, Арсений Александрович в 1947 году расстался с женой. Вскоре Антонина Александровна тяжело заболела, и в 1951 году ее не стало. В это время мамы уже не было в Москве – она находилась в ссылке в Красноярском крае...

Позднее я встретила Тарковского всего два раза.

Война. Осень 1941 года, Чистополь. Сюда эвакуированы писатели, их семьи и дети без родителей. Я живу в интернате. Гуляем по улице с подружкой и встречаем Антонину Александровну, которая нам очень обрадовалась и стала приглашать в гости. Я тогда была в ссоре с ее дочкой Лялей, поэтому упорно отказывалась. И она буквально затащила нас. Конечно, ей было известно, что в интернате голодно. Оказалось, что их дом находился как раз рядом за низким забором... Помнится: несколько ступенек крыльца, порог и большая светлая комната, слева с окнами. Около них на длинной скамейке сидела Лялька, даже не удивившаяся, что мы пришли. Нас посадили за стол, который стоял у стены против входа, а рядом с ним была дверь в другую комнату, из которой вышел в белой рубашке Тарковский и радушно нас приветствовал. Оказалось, что он только приехал из Москвы и привез продукты, поэтому Тоня нас так звала, что-

бы угостить. Нас покормили, и на столе в вазочке к чаю появились московские конфеты. Это было чудо! Мы сначала застеснялись, но нас уговаривали брать сколько хочешь. И вот тут мы после первой конфеты стали нагло прятать следующие. Словом, несколько конфет унесли с собой. А Тарковские как будто ничего не замечали, о чем-то нас расспрашивали и предлагали еще конфет. А нам действительно было и неловко, и смешно, и как-то лихо. Вернувшись довольными в интернат еще с чувством героизма, раздали эти конфеты всем девочкам из нашей палаты. Только после стало стыдно. Ляля все это видела и молчала. Ее не удивило наше поведение. Она раньше тоже жила в интернате и знала, что мы привыкли друг с другом делиться. Потом вспомнила, что недоумевала, как нас щедро угощают, а ей выдают по одной, чтобы их хватило надолго.

Самый конец 1950-х годов. Я работаю в геологической экспедиции в Туркмении и приехала по рабочим делам в Ашхабад. Воскресенье. Иду на базар. Восточная пестрота, прилавки окружают небольшую площадь, где в пыли лежит огромный темно-вишневый ковер с черным орнаментом. Рядом с ним гора арбузов. Иду вдоль прилавков с овечьими сырами в поисках вязаных носков. Наконец они появляются, затем пошли разные женские украшения: браслеты, кольца, огромные брошки, обереги, тубетейки. Глаз не оторвешь, и вдруг впереди почти рядом – Тарковский в темном плаще с какой-то дамой, и с таким вниманием рассматривает эту утварь, как произведения искусства, и рассказывает о них что-то интересное. Но я не подошла от смущения... Сейчас сожалею.

Я хочу напомнить стихотворение Тарковского «Портной из Львова». Поэт его написал в 1947 году. В то время началась антисемитская кампания «борьбы против космополитов». Это был настоящий поступок, который говорит о том, с какой болью и сочувствием к человеческой беде относится автор. С небольшой правкой оно было опубликовано. Роберта Фалька это стихотворение так тронуло, что он подарил Тарковскому свою работу.

С чемоданчиком картонным,
Ластоногий, в котелке,
По каким-то там перронам,
С гнутой тросточкой в руке.

Сумасшедший, безответный,
Бедный житель городской,
Одержимый безбилетной
Иудейскою тоской.

Не из Лодзи, так из Львова,
Не в Казань, так на Уфу.
– Это ж казнь, даю вам слово,
Без фуфайки, на фуфу!

Колос недожатой нивы
Под сверкающим серпом.
Третьи сутки жгут архивы
В этом городе чужом.

А в вагонах – наркоматы,
Места нет живой душе,
Госпитальные халаты
И японский атташе.

Часовой стоит на страже,
Начинается пальба,
И на город черной пряжей
Опускается судьба.

Чудом сузилась жилетка,
Пахнет снегом и огнем,
И полна грудная клетка
Царским траурным вином.

Привкус меди, смерти, тлена
У него на языке,
Будто сам Давид из плена
К небесам воззвал в тоске.

На полу лежит в теплушке
Без подушки, без пальто,
Побирушка без полушки,
Странник, беженец, никто.

Он стоит над стылой Камой,
Спит во гробе город Львов,
Страждет сын Давида, самый
Нищий из его сынов.

Ел бы хлеб, да нету соли,
Ел бы соль, да хлеба нет.
Снег растает в чистом поле,
Порастет польнью след.